

³⁴ Беликов Т.И. Указ. соч. С. 36-37.

³⁵ З-в Н. Указ. соч. С. 33.

³⁶ См.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 227.

³⁷ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 190. Л. 8.

³⁸ Беликов Т.И. Ф.И. Дербетев - сподвижник Е.И. Пугачева. С. 34.

³⁹ З-в Н. Указ. соч. С. 35.

⁴⁰ Шовунов К.П. Указ. соч. С. 157.

⁴¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 10.

⁴² Шовунов К.П. Указ. соч. С. 162.

⁴³ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 190. Л. 15.

⁴⁴ Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и скотоводству. СПб., 1809. С. 423.

⁴⁵ Шовунов К.П. Терское поселение калмыков // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984. С. 100.

⁴⁶ Борисенко И.В. Указ. соч. С. 51.

В.П. Санчиров

О материальной культуре ойратов XIII-XVII веков

Самобытная материальная культура монгольских народов, являющаяся составной частью цивилизации Центральной Азии, изучена еще далеко недостаточно. Однако даже то, что о ней известно, позволяет говорить о довольно высоком, применительно к центральноазиатским условиям, ее развития. В докладе академика Б. Ширендыба на открытии Международного симпозиума «Роль кочевых народов в цивилизации в Центральной Азии», проводившегося в Улан-Баторе в мае 1973 г. под эгидой ЮНЕСКО, особо отмечалось значение для науки цивилизации такого обширного региона, каким является Центральная Азия: «Данный регион был довольно рано заселен первобытным человеком, здесь же возникло и развивалось первое крупное разделение общественного труда в форме кочевого скотоводства, а в дальнейшем образовались многие кочевые племенные союзы и государства»¹.

Предки средневековых монголов и ойратов – различные древнемонгольские и родственные им племена вошли в состав единого этнополитического объединения монголов, существовавшего в период империи чингисидов (XIII-XIV вв.). Специфические особен-

ности исторического развития и монголов, и ойратов, сформировавшихся если не на единой, то на близкородственной основе, а также общие характерные черты их материальной культуры связаны в первую очередь с кочевым бытом и занятием кочевым скотоводством.

Однако так было не всегда. Отголоски далекого прошлого монгоязычных народов, навсегда исчезнувшего быта, отдельные этнографические детали обнаруживаются в героических эпopeях ойратов, записанных в Западной Монголии в начале XX века. Академик В.Я. Владимирцов обратил в свое время внимание на то, что «ойратские эпопеи очень часто и довольно подробно рисуют нам охоту, притом так, что можно догадываться, что занятие охотой было одним из главных для того общества, которое рисуется в эпопеях. Нередко говорится в былинах Западной Монголии, что ставка того или иного богатыря была построена из рогов и костей диких животных и обтянута шкурами»². Это подтверждает известные нам из источников («Тайная история монголов», «Сборник летописей» Рашид ад-Дина) сведения о том, что ойраты в дочингисову эпоху относились к «лесным народам» и, прежде чем стать скотоводами, долгое время были охотниками-звероловами, но в то же время «не гнушались и рыболовством»³. Доказательством первоначального проживания ойратов в горных лесистых районах Приангарского края и Верхнего Енисея может служить, по мнению исследователей, и отсутствие в прошлом у ойратов способа передвижения на телегах⁴.

Термин «лесные народы» (*hoiᠠᠨ ᠢᠷᠭᠡᠨ*) в источниках позволяет говорить скорее о характеристике места обитания того или иного племени, а не о специфике его хозяйственной деятельности. К «лесным народам», по данным «Тайной истории монголов», относились следующие племена: ойраты, буряты, бархуны (баргуты), урсуну (урсуты), хабханасы, ханхасы, тубасы, хори-туматы. Большинство из этих племен впоследствии вошли в состав позднейших бурят. Они не были однородными по своему общественному и экономическому уровню развития. К XIII веку по образу жизни и хозяйству «лесные народы» разделились на две группы: 1) охотничье-рыболовческую, то есть собственно «лесную» и 2) скотоводческо-земледельческую, в хозяйстве которых охота хотя и занимала значи-

тельное место, но отнюдь не являлась их главным родом занятий. Ойраты вместе с древнебурятскими племенами хори-туматов и баргутов, своими ближайшими восточными соседями по Прибайкалью, которое у монголов того времени называлось страной Баргуджин-Токум, принадлежали ко второй группе.

«Для второй группы «лесных» народов, то есть «скотоводческо-земледельческой», - отмечал Г.Н. Румянцев, - характерно синтетическое, комплексное хозяйство – примитивное земледелие с развивающимся скотоводством, в сочетании с охотой и рыболовством, которые еще играли значительную роль в пищевом балансе. Их общество отличалось более высокой социальной организацией, чем общество первой группы «лесных» племен. Само наименование «лесные» ко второй группе древнемонгольских и древнебурятских племен может быть применено лишь условно, в географическом, но не в экономическом смысле»⁶. Ойраты к моменту образования империи Чингис-хана представляли собой уже в известной мере сложившуюся этническую общность. Широкому переходу этих в прошлом таежных жителей к занятию кочевым скотоводством на занимаемой ими территории Верхнего Енисея и Прибайкалья благоприятствовало наличие здесь степных районов с обильным травостоем и горных пастбищ, где скотоводство тоже было возможно.

Что касается материальной культуры ойратов рассматриваемого периода, то прямых исторических свидетельств о ней нет. Некоторое представление о ней можно составить на основании археологических данных, правда, не имеющих непосредственного отношения к самим ойратам. Раскопки могильников XI-XIII вв. дали в руки исследователей любопытный и ценный археологический материал, свидетельствующий о значительном имущественном расслоении, о двух укладах в хозяйстве древних обитателей бассейна Верхней Лены, Прибайкалья и отдельных районах Забайкалья⁷. Речь идет о предках западных бурят, которые в то время являлись ближайшими соседями древних ойратов и имели однотипное с ними хозяйство. Этнические взаимосвязи ойратов с западными бурятами существовали в разные периоды их истории, в том числе и в древнейшую эпоху, о чем свидетельствуют предания о происхождении бурят⁸.

В богатых погребениях, раскопанных Б.Э. Петри в Тункинском районе Бурятии, были обнаружены кости барана, остатки крытых

лаком седел и конской сбруи с богатыми бронзовыми накладками, фрагменты сложного монгольского лука, наконечники стрел со свистунками и т.д., а также предметы роскоши: жемчуг, серебряные и золотые украшения, серебряная чаша на высокой ножке, шелковые ткани. Могилы эти сверху обозначались площадками из булыжника, выложенного в виде правильного круга. Совсем иная картина предстает в бедных погребениях из долины р. Обусы и дер. Окининой (Приангарье), где сохранились зерна проса, остатки грубой шерстяной одежды, унтов (обуви), пряслица, берестяные женские коробки, наконечники стрел. В аналогичных по характеру могилах близ села Зарубино на р. Селенге найдены зерна гречихи.

Все это позволило А.П. Окладникову написать: «Перед нами здесь встает очень яркая картина быта двух слоев населения. Масса занималась земледелием, скотоводством и домашней промышленностью (ткачество и обработка продуктов скотоводства). Верхи же этого общества явно состояли из богатых скотоводов, чьей гордостью являлись любимые кони, а занятием охота, перемежающаяся с пирами, как у витязей, сподвижников Чингиса, по Юань-чао-Би-ши»⁹.

Такова была локальная специфика материальной культуры ойратов к моменту сложения в Монголии раннефеодального государства Чингис-хана. Они стали одними из первых жертв монгольских завоевателей, когда в «год Зайца» (1207) старший сын Чингиса Джучи был отправлен с войском в поход для покорения «лесных народов» страны Баргуджин-Токум¹⁰.

Завоевательная политика правителей Монгольской империи, превративших свою страну в огромный военный лагерь, а ее народ в нацию воинов, нанесла значительный урон и экономике самой Монголии. После свержения власти Юаньской династии в Китае и возвращения монгольских феодалов к себе на родину в Монголии наступила феодальная раздробленность и вспыхнули с новой силой кровопролитные феодальные междоусобицы. Культура страны находилась в жалком состоянии. Исчезли появившиеся в период Монгольской империи немногочисленные города, представлявшие собой довольно крупные центры оседлости с относительно развитым земледелием и ремесленным производством. Все захлестнула кочевая стихия. Пришли в упадок торговые пути, проходившие по

территории Монголии, перестали приезжать иноземные купцы и посольства. Оборвались экономические и культурные связи Монголии с другими странами и народами. Оказались даже забытыми некоторые достижения монгольского народа из области материальной и духовной культуры прежнего периода. Так, в частности, совершенно перестали пользоваться в хозяйстве юртами на колесах и даже обычными телегами, предпочитая перевозить грузы, главным образом, навьючив их на лошадей¹.

Ойраты также превратились в чистых кочевников. В конце XIV и начале XV века они уже обитают в Западной Монголии, где кочуют по Алтаю и прилегающим к нему степям и гористым местностям. Экстенсивное скотоводство стало у них доминирующим средством существования, как и у восточных монголов. На новых местах очаги земледелия у них не возникли, а к занятию земледелием небольшие группы населения Западной Монголии, чаще всего, беднейшая его часть, возвращается вновь только в XVII в., да и то в очень скромных размерах.

К сожалению, дошедшие до нашего времени письменные источники мало что могут дать при изучении материальной культуры ойратов XIV-XVII вв. По-видимому, в суровых природно-климатических условиях Монголии крайне примитивное экстенсивное земледелие сильно уступало скотоводству в возможности извлечения прибавочного продукта, товарного сырья и обеспечения пищевыми запасами населения. Именно полный переход к скотоводству привел к росту поголовья скота и концентрации крупных стад в одних руках, что ускорило имущественное расслоение и развитие феодальных отношений в ойратском обществе. По образному выражению Д. Майдара и Д. Пюрвеева, «кочевой быт позволил степнякам использовать все богатства природы и экономить силы, которые шли на создание оригинальной культуры, фольклора, мифологии и разнообразных социальных систем...»¹².

В то же время вследствие указанных факторов (экстенсивное скотоводческое хозяйство, кочевой образ жизни) ойратское общество на всем протяжении своего существования имело недостаточно развитую производственную базу. Это нашло выражение в том, что материальная культура, приемы ведения хозяйства, включая качественный состав стада, способы производства и использова-

ния продуктов животноводства, изготовление инвентаря и домашней утвари и т.д., совершенствовались медленно и мало в чем изменились с течением времени. Многие из того, чем в позднейшие времена располагали приволжские калмыки, имеет ойратское происхождение, так как те ойраты, которые переселились на Волгу, принесли с собой на новую родину и свою самобытную культуру кочевого народа. Достаточно упомянуть из ойратского наследия калмыков знаменитый крупный рогатый скот калмыцкой породы, грубошерстную курдючную овцу, неприхотливых и выносливых лошадей, калмыцких верблюдов-бактрианов. Первоначальной родиной этого скота была Джунгария, откуда в XVII веке он попал в Нижнее Поволжье¹³.

Основным богатством ойратов и основой их благосостояния был «скот четырех видов» (*дөрвн хошу мал*): лошади, верблюды, крупный рогатый скот, овцы. Прекрасные поэтические описания, воспевающие четыре вида скота или «скот четырех мастей», как переводит Б.Я. Владимирцов, встречаются в произведениях монголо-ойратского эпоса¹⁴.

Скотоводство снабжало кочевников помимо продуктов питания еще и ценным сырьем – кожей и шерстью, без которых у них не могло быть ни жилища, ни одежды. Все, что находилось внутри и снаружи кочевой кибитки, изготовлялось из продуктов животноводства. Кожа шла на изготовление обуви, посуды и домашней утвари, конской сбруи и многих других предметов быта. Из овечьей шерсти ткали шерстяные ткани и валяли войлок, который шел на изготовление стеганых ковров, подстилок для постелей, потников под седла и главным образом как теплоизоляционный и конструктивный материал для покрытия юрт. Исследователи отмечают, что «изделия из кожи, войлока и тканей давно и довольно прочно вошли в быт монгольской семьи. Это объясняется не только тем, что для их изготовления всегда под руками необходимое сырье, но и тем, что именно изделия из мягких материалов были наиболее легкими, прочными и удобными в условиях кочевой жизни¹⁵. Таким образом, скотоводческое хозяйство позволяло ойратам удовлетворять свои потребности в пище, одежде, жилище и т.д., а кроме того, избыточную продукцию поставлять на экспорт для обмена с земледельческими народами на отсутствующие в хозяйстве кочевников товары.

Из Джунгарии же попала на Волгу и калмыцкая кибитка. Общая для всех обитателей Монголии войлочная юрта (*гер*) продолжала оставаться основным жилищем ойратов, но по сравнению с ранним периодом ее форма сильно изменилась и почти приблизилась к форме современной и по сию пору еще распространенной в Монголии юрты⁶. В ходе многовековой эволюции мобильного жилища сложились его четкие пропорции и правила сборки и разборки. Основные конструктивные элементы юрты: верхний круг (*харач*), образующие вместе с ним каркас крыши деревянные жерди (*уньн*), разборные решетчатые стены (*терм*), обвязки (*үдэр*), дверные косяки и пр. с течением времени усовершенствовались и приобрели легкость, столь необходимую при транспортировке. Юрты богатых людей отличались роскошным убранством. Так, в юрте, которую преподнесли Далай-ламе его ойратские адепты, верхний круг, двери и косяки были украшены серебряными и железными накладками, в интерьере юрты использовались драпировки из разноцветных шелковых и шерстяных тканей⁷.

В XVI веке среди ойратской знати получают распространение дворцовые юрты, гэры-дворцы (*өргэ гер*), выделявшиеся своими большими размерами. В одном из немногих письменных источников ойратского происхождения встречается рассказ о хошутском Байбагас-хане, который «в юрте-дворце своем дело ойратской державы и веры он судит»⁸. Этот его дворец имел «стены в пятнадцать решеток-тэрмэ» и был «пестро-тигровыми шкурами крыт»⁹.

Кто же были эти мастера-умельцы, выполнявшие заказы феодальной знати, а позднее, с принятием ойратами буддизма и буддистского духовенства. У ойратов, как и у восточных монголов на всех этапах их истории существовали домашние ремесла, и простые кочевники становились мастерами своего дела и, как это было в более поздние времена, специализировались на каких-либо трудно-выполнимых работах (например, кузнечном деле, ювелирном деле, изготовлении седел и т.д.). К сожалению, мы не можем говорить более предметно о них, так как в связи со спецификой кочевого быта и многими потрясениями, которые пережили ойраты, ничего из предметов материальной культуры, образцов народного искусства рассматриваемого периода не сохранилось до нашего времени, во всяком случае, у волжских калмыков.

¹ Ширендыб В. Некоторые вопросы исследования проблемы «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Материалы Международного симпозиума. Улан-Батор. 1974. С. 23.

² Владимирцов Б.Я. Монголо-ойратский героический эпос. Петроград-Москва. 1923. С. 51.

³ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л. 1934. С. 34.

⁴ Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. Л. 1969. С. 17.

⁵ Румянцев Г.Н. Некоторые проблемы истории культуры монголов XII-XVII вв. // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ. 1968. С. 150.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ См.: История Сибири. Т. I. Древняя Сибирь. Л. 1968. с. 379-387. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л. 1937. С. 284.

⁸ Вяткина К.В. Указ. соч. С. 17.

⁹ Окладников А.Р. Указ. соч. С. 284-285.

¹⁰ Козин С.А. «Сокровенное сказание». Монгольская хроника 1240 г. Т. I. М.-Л. 1941. с. 61-62.

¹¹ Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Тэргүүн боть. Нэн эртнээс XVII зуун. Улаанбаатар. 1966. С. 459.

¹² Майдар Д. Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М. 1980. С. 12.

¹³ См. напр.: Нармаев М.Н. Калмыцкий скот и его совершенствование. Элиста. 1963. Лус Я.Я. и др. Домашние животные Монголии. Материалы Животноводческого отряда Монгольской экспедиции Академии наук СССР в 1931 г. М.-Л. 1936 и др.

¹⁴ Владимирцов Б.Я. Монголо-ойратский героический эпос. С. 56-57.

¹⁵ Кочешков Н.В. Народное искусство монголов. М. 1973. С. 73.

¹⁶ БНМАУ-ын түүх. Тэргүүн боть. С. 46.

¹⁷ Биография Зая-пандиты. В кн.: Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста. 1969. С.175. Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии). Элиста. 1999. С. 70-71.

¹⁸ Козин С.А. Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши-хунтайджи ойратами в 1587 г. // Советское востоковедение. Т. IV. М.-Л. 1947. С. 98.

¹⁹ Там же.